

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2022. № 4 (77). С. 83–93.
The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin. 2022; 4 (77): 83–93.

Научная статья
УДК 821.161.1-94.09«16»
DOI: 10.37724/RSU.2022.77.4.009

Воинское повествование в «Мазуринском летописце»

Нина Владимировна Трофимова

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия
nv.trofimova@mpgu.su ; nvt.df@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается своеобразие форм отражения военных событий в малоизученном литературоведами памятнике позднего патриаршего летописания. Соотношение погодных записей, летописных и внелетописных воинских повестей в рамках конкретных сводов определялось задачами летописцев и особенностями литературы эпох, в которые они создавались. Исидор Сназин, предполагаемый автор «Мазуринского летописца», заимствовал тексты из большого количества источников, зачастую минимально изменяя их. Поскольку целью летописца было изображение истории Руси как православной страны, покровительствуемой Божественными силами, военная тема отражена в своде в основном в форме погодных записей, имеющих разный состав. Воинские повести, которые приводит книжник, представляют сокращенные, в том числе за счет пропусков описаний военных действий, редакции более древних текстов. Образы героев представлены слабо, в основном через события, в которых они участвуют. Фактически такая манера приближает воинское повествование в летописи к типу ранних информативных повестей, существовавших в древнейших сводах. Повести событийного типа появляются в том случае, когда содержат чудеса и видения, позволяющие акцентировать мотив Божественной помощи Руси. Из внелетописных текстов приведена только краткая редакция «Повести о разорении Рязани Батыем», состав которой ярко отражает стремление летописца зафиксировать факты, исключая обширные речи, плачи, молитвы, характеризовавшие персонажей в более ранних редакциях. В текстах редко используются воинские формулы, тропы, библейские цитаты и ретроспективная историческая аналогия, соответственно, неявно выражена авторская позиция.

Ключевые слова: авторский замысел, воинские формулы, Исидор Сназин, летописные и внелетописные воинские повести, погодная запись.

Для цитирования: Трофимова Н. В. Воинское повествование в «Мазуринском летописце» // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2022. № 4 (77). С. 83–93. DOI: [10.37724/RSU.2022.77.4.009](https://doi.org/10.37724/RSU.2022.77.4.009).

The Military Narration in “Mazurinsky Chronicle”

Nina V. Trofimova

Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia

nv.trofimova@mpgu.su; nvt.df@yandex.ru

Abstract. The article examines the way military events are depicted in the little-studied patriarchal chronicles. The article analyzes various chronicle records, chronicle and non-chronicle military stories. It analyzes different tasks undertaken by chroniclers and literary traditions of the respective epochs. Isidor Snazin, the alleged author of the Mazurinsky Chronicle, borrowed texts from a large number of sources, often introducing minor alterations. Since the chronicler's purpose was to depict the history of Russia as an Orthodox country patronized by divine forces, the military theme is reflected through various chronicle records. The military stories that the scribe cites are abbreviated versions of older texts, with omissions of military descriptions. The characters' images are poorly represented, mainly through the events in which they participate. In fact, this manner makes the military narrative of the chronicle similar to that of ancient chronicles. Event-based stories contain miracles and visions that allow accentuating the motif of the Divine help granted to Russia. From a number of extra-chronicle stories, only a brief version of the “ale of the Destruction of Ryazan by Batu” is given, its composition clearly reflects the chronicler's desire to record the facts, excluding extensive speeches, lamentations, prayers that are characteristic of the earlier versions. The texts rarely use military formulas, artistic means, biblical quotations and retrospective historical analogies, respectively, the author's attitudes are implied.

Keywords: author's idea, military formulas, Isidore Snazin, chronicle and extra-chronicle military stories, chronicle record.

For citation: Trofimova N. V. The Military Narration in “Mazurinsky chronicle”. *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*. 2022; 4 (77):83–93. (In Russ.). DOI: [10.37724/RSU.2022.77.4.009](https://doi.org/10.37724/RSU.2022.77.4.009).

Введение

Военная тема — одна из древнейших в русской литературе. Изначально воинское повествование сформировалось внутри древнерусских летописей в двух видах: погодных записей и воинских повестей. Термин «воинская повесть», видимо, утверждён в науке А. С. Орловым. Исследователем указаны основные черты жанра, названные им «литературной оболочкой воинских сюжетов». В нее литературовед включил отдельные термины и формулы, происхождение и функции которых подробно им рассмотрены, стереотипные схемы последовательности действия, патриотическую или религиозную идею. Выявлены изменения в произведениях, произошедшие в XVI–XVII веках [Орлов, 1902, 1909]. В поздних работах ученый создал обобщенную картину развития стиля воинской повести, используя материал наиболее известных произведений [Орлов, 1945].

В дальнейшем большое внимание исследователей привлекали так называемые «воинские формулы», рассматривались наиболее известные произведения воинского жанра, повести внутри отдельных летописных сводов¹; в последние десятилетия появляются работы, в которых делаются попытки по-новому осмыслить границы и специфику воинского повествования [Сочнева, 2014 ; Мелихов, 2018 ; Лобакова, 2020]. Однако проблема развития воинского повествования в поздних летописных сводах остается слабо изученной. Цель данной работы — рассмотреть основные особенности воинского повествования в «Мазуринском летописце», одном из сводов второй половины XVII века, почти не привлекавшем к себе внимания литературоведов.

Основная часть

«Мазуринский летописец» (далее — МЛ), хорошо изученный историками [см.: Богданов, 1993, 2019], создан в кругу патриарха Иоакима около 1682 года Исидором Сназиным, который придерживался антилатинской линии, отстаиваемой патриархом, делал установку на рассказ о Руси прежде всего как о православном государстве, находящемся под Божьим покровительством. При составлении текста книжник использовал большое количество источников: общерусские и

¹ Исследовательскую литературу по проблеме см. в: [Трофимова, 2017].

новгородские летописи XVI–XVII столетий, «Степенную книгу», «Новый летописец», отдельные самостоятельные повести. В связи с этим у автора был большой выбор воинских повествований, многие из которых легко обнаруживаются в «Степенной книге царского родословия» (далее — СК) и «Летописном своде 1652 г.» (далее — ЛС1652). Эти памятники содержали воинские повести, во многом уже переработанные их авторами. В. В. Кусков отмечал, что, «сокращая подробности летописного рассказа о том или ином походе, сражении, составитель Степенной только излагает основные факты, главное внимание уделяя результатам похода или сражения, их оценке. В целом ряде случаев в Степенной используются традиционные стилистические формулы воинских повестей» [Кусков, 2000, с. 196]. ЛС1652 также во многих случаях содержит сокращенные редакции более древних текстов.

Характеристика основных терминов

Охарактеризуем основные понятия, которыми будем оперировать в работе. Погодная запись — краткое, неразвернутое сообщение о событии, которое могло состоять из одного или нескольких предложений. Воинская повесть — разновидность древнерусского жанра повести, рассказывающая о любом военном событии. В соответствии с системой, предложенной Н. И. Прокофьевым [Прокофьев, 1975, с. 30–39], дополнительные признаки этого жанра следующие. Основной способ литературного обобщения — реально-исторический, иногда возможны легендарно-исторический или идеализирующий. Повествование содержит три композиционные части: рассказ о подготовке основного действия, повествование о ходе битвы или нескольких сражений, сообщение о результатах и последствиях военных действий. В повествование могут включаться видения, чудеса, знамения и лирические жанры — плачи, похвалы, молитвы. Повествователь часто не наделен конкретными биографическими чертами и не всегда прямо выражает свою позицию. Оценка событий может проводиться с помощью тропов, отдельных реплик и отступлений, библейских цитат, ретроспективной исторической аналогии. Основная языковая особенность воинских повестей — использование стилистических формул.

В зависимости от целеполагания летописцев и круга их знаний о событиях в текстах, начиная с XII века, можно выделить две разновидности воинских повестей: информативную и событийную. Повести информативного типа отличаются краткостью повествования, ослабленным сюжетным развитием, часто организованным как цепь сообщений, связанных только хронологической последовательностью. Описание битвы лишено конкретных деталей, представлено в обобщенном виде. Отсутствует внимание к персонажам, повествователь выражает свою позицию через дидактические отступления, библейские цитаты и ретроспективную историческую аналогию. Редко используются тропы, широко применяются «воинские формулы» — относительно устойчивые стилистические обороты, определяющие личности персонажей и этапы развития событий.

Событийная разновидность представлена развернутыми повествованиями, сюжет которых развивается более напряженно и мотивированно, повести содержат красочные описания военных действий, повествователь проявляет внимание к героям, включая в текст прямую речь для их характеристики, выражает позицию разнообразными способами, в том числе оценочными словесно-стилистическими средствами и прямыми высказываниями, в описаниях битв использует тропы и формулы.

Эти две разновидности сохранялись в летописях вплоть до конца XVII века, причем в каждую эпоху на поэтике повестей отражались основные стилевые тенденции, свойственные летописанию в целом.

Примерно с XIII века воинская повесть образует новую разновидность — внелетописную, существовавшую вплоть до XVII века. Имеются в виду повествования, охватывающие широкий круг событий, связанных с военными действиями, имеющие сложную сюжетно-композиционную структуру, содержащие развернутые образы персонажей; бытовали они не только в летописях, но и в составе различных сборников. Можно предположить, что и создавались такие повести как самостоятельные произведения, а вносились в летописи уже редакторами. Существование летописных и внелетописных воинских повестей (без использования конкретных терминов) впервые было замечено М. Н. Сперанским [Сперанский, 1898, с. 77]. Первый дошедший до нас образец этой разновидности — сохранившаяся в Новгородской I летописи повесть о захвате крестоносцами Царьграда в 1204 году.

Отбор материала летописцем

В XVII веке патриаршие своды, история которых начинается Новым летописцем, уже фактически не являющимся собственно летописью, затем возвращаются к традиционным формам, в том числе воинской повести. Задачи патриарших летописцев, тесно связанных с идейной борьбой столетия, выражающих определенную политическую тенденцию, часто определяли характер отбора и подачи материала книжниками.

Исидор Сназин помещал в летопись, особенно в древнейшей части, далеко не все рассказы о военных событиях, которые содержали предшествующие своды. Например, отсутствует большая часть повестей о походах русских князей против половцев и междоусобных войнах в XII веке, переданы лишь некоторые из летописных сюжетов о борьбе с монголо-татарами. Кроме того, многие из повествований были представлены летописцем в поздних (по сравнению с древнейшими из сохранившихся текстов) вариантах. Среди сообщений о событиях XVI–XVII веков наиболее распространены повествования о битвах с западными соседями, поскольку антилатинская тенденция важна для летописца, близкого к патриарху-грекофилу.

Особенности погодных записей

Большинство сообщений о военных событиях представляют собой погодные записи, фиксирующие факт сражения и его результаты. Такая форма изложения появляется в самых ранних сообщениях. Например: «Лета 6449 по смерти же Ольгове Игорь иде на греки и поплени страны Фуническия и по Понту и до Ираклия, и до Филигонския земли, и всю Никомидийскую землю поплени. Царь же Роман и зять его Константин Багрянородный послаша ко Игорю и умолиша его, и даваша дань выше первые Ольговы» [Мазуринский летописец, 1968, с. 37]. Точно называя географические пределы событий, имена исторических лиц и их конкретные действия (иде, поплени, послаша, умолиша, даваша), летописец ничего не говорит о ходе событий, поэтому связанное повествование не возникает. В МЛ помещен текст, сокращающий и объединяющий сведения о двух походах Игоря на греков (6449 и 6452 годов): неудачном, окончившемся поражением, хотя поначалу войско Игоря побеждало врага, и удачном, когда дань удалось получить, не сражаясь, благодаря собранному огромному войску, устроившему греков. Древнейшие рассказы об этих событиях, сохранившиеся в «Повести временных лет», представляли последовательные сюжеты, содержащие детали и речи действующих лиц, то есть являлись воинскими повестями. Кстати, в Никоновской летописи, одном из источников труда Сназина, текст еще короче: «При семь цари Романъ поиде Игорь на греки съ множествомъ вой; онъ же, слышавъ, дасть ему дань выше первыя Ольговы» [Полное собрание русских летописей, 2000, т. 9, с. 28].

Аналогичное изменение происходит с повестью об удачном походе южнорусских князей против половцев под 6693 годом, только погодная запись, заменившая древнее повествование, еще более абстрактна и кратка: нет ни географических названий, ни имен князей, зафиксированы только факт победы над врагами и количество пленных, а также использована формула Божьей помощи: «Лета 6693-го поидоша князи рустии на половцы, и поможе им Бог, поимаша их руками своими 7 000 в полон, увидиех 417 человек поимаша» [Мазуринский летописец, 1968, с. 65].

Подобные записи разной подробности сохраняются на всем протяжении свода, причем в них воплощаются даже наиболее важные события русской истории. Так развернутая погодная запись повествует о Куликовской битве: «Лета 6888-го прииде на благовернаго и великого князя Дмитрия Ивановича московскаго от восточныхъ страны царь Мамай со многими силами, и великий князь Дмитрий Иванович поиде с московскою силою противу его, к нему же прииде на помощь князь Андрей Ольгердович полоцкий с полочаны и великий князь Дмитрий брянский з брянчены, а с ними войска 70 000, и псковская сила с ним же была, и новгородской силы 40 тысящ, и за Доном побииша всю силу Мамаеву, а царь Мамай уиде с невеликими людьми в Кафу; там его убили татарские жены» [Мазуринский летописец, 1968, с. 89]. Запись более подробна по сравнению с предыдущими благодаря перечислению сил, присоединившихся к московскому князю, и упоминанию судьбы побежденного врага. Сведения о составе и количестве войск, присоединившихся к Дмитрию, могли быть заимствованы из относительно пространной повести в ЛС1652 [Летописный свод 1652 г., л. 70 об.–71 об.], а сведения об убийстве Мамаю носят легендарный характер. Введенные сведения, тем не менее, не превращают текст в нарратив.

Погодные записи сообщают и о событиях, по времени близких автору, причем иногда совсем кратко. Например: «Лета 7162-го году изволил государь за неправду польского короля итти доступать вечной своей вотчины Смоленские и иных городов и доступил Смоленск и много городов» [Мазуринский летописец, 1968, с. 169], или под 7163 годом: «Того же году изволил

государь идти под Вильню, а бояр и воевод изволил с полки послать под разные литовские города, и многие города взяты» [Там же, с. 170]. В этих записях исчезают немногочисленные конкретные сведения, которые были в предыдущих: географические, числовые, отсутствуют даже традиционные элементы титулатуры царя, принятые в летописях предшествующих эпох и в отдельных случаях использующиеся и Сназиным.

Появляются в этой части летописи чуть более подробные записи с упоминанием воевод, принимавших участие в походах. Так, под 7164 годом в сообщении о походе «за неправду свицкого короля до Риги» называются бояре Борис Иванович Морозов, Илья Данилович Милославский и Яков Куденетович Черкасской [Мазуринский летописец, 1968, с. 170]. Использование погодных записей как основной формы сообщения о событиях, современных автору, говорит о том, что книжником руководила не ограниченность знаний о ходе событий, а сознательная установка на краткость.

Изредка встречаются записи, включающие множество документальных сведений, не складывающиеся в то же время в полноценное сюжетное повествование. Рассказывая об обороне донскими казаками Азова под 7149 годом, Сназин изменил и существенно дополнил краткое сообщение ЛС1652. В раннем своде летописец сначала упомянул о взятии казаками Азова в 7145 году, а затем сразу перешел к осаде. Оба книжника называют имя султана, пославшего войско на казаков, — Братеим, количество пашей, посланных им, — четыре, но имена пашей приводит только Сназин. Следом в ЛС1652 помещен перечень народов, союзных туркам, который Сназин приводит позднее: «...воинские люди турки, греки, волохи, серпы, орапы, можары, модавы, буданы, будьяне, ануты, мульяне, черкасы горские, и всего 250 000» [Мазуринский летописец, 1968, с. 163 ; Летописный свод 1652 г., л. 337 — об. 338]. Сназин же здесь называет крымского царя, «да брата его, народыма, да Карчимей, а с ними крымских и нагайских татар 40 000, да черкасских татар 10 000, да с ними же немецкие люди, гродоимцы и приступные смышленники, ишпанцы, италияне, фрамцыжане, виницеяне» [Мазуринский летописец, 1968, с. 163]. Из этого ряда у предшественника упомянуты только крымский царь, «да братъ его нарадынъ, да Кимгирей, а с ними 40 тысящъ, да угорскихъ татаръ 10 тысящъ» [Летописный свод 1652 г., л. 338]. На этом запись в ЛС1652 заканчивается.

Дальнейшие сведения есть только у Сназина: «А у пушак ядра были в полтора пуда и в два пуда, а прикованы пушки чепми в столбах, утвержены в земле» [Мазуринский летописец, 1968, с. 163]. Названа дата начала осады — 24 сентября, об окончании сказано «по 24 число», а месяц пропущен. Итог осады — бегство турок — описан в разговорной манере: «Погании же турки побегоша за моря, а иные сухим путем, кому куды по пути» [Там же]. Упомянув о гибели многих бежавших, летописец сообщает, что приступов к Азову было 24. По составу текста и передаче собственных имен ясно, что у Сназина был дополнительный источник, помимо ЛС1652. Этим источником мог быть какой-то список «Повести об Азовском осадном сидении донских казаков», потому что многие из отсутствующих в ЛС1652 сведений находятся в этом тексте, хотя не все они точно переданы Сназиным. Имя султана Ибрагим передано как Братеим, Карчимей — искаженное Крым-Гирей, он и был первым сановником государства (народымом), как следует из повести об осадном сидении, в то время как у Сназина это два человека. Числовые данные в основном совпадают в источниках, в том числе 24 приступа к городу упомянуты в Азовской повести и записи Сназина.

Трудно отчетливо квалифицировать форму такой записи. С одной стороны, она гораздо пространнее, чем большинство погодных свидетельств, с другой стороны, и повести как таковой не образует, поскольку содержит в основном перечни и лишь упоминает отдельные действия персонажей.

Своеобразие воинских повестей в летописи

Реже встречаются в МЛ воинские повести. В древнейшей части, соответствующей «Повести временных лет», они представляют, как правило, сокращение текстов раннего памятника. Так, в статье 6415 года в пересказе истории победоносного похода Олега на Царьград (текст с небольшими изменениями повторяет ЛС1652) опущен ряд деталей и даже эпизодов: не говорится об оставленном в Киеве Игоре, не упомянуто о разорении Олегом окрестностей города, не приведен текст договора (его содержание представлено в самых общих чертах), исключен эпизод с разорванными парусами словен. Прозвище Олега Вещий приписано грекам. Исключением обширного текста договора поздний книжник приблизил повествование к устойчивой форме воинской повести, но, опустив подробности военных действий, которых, надо сказать, немного было и в раннем тексте, лишил его важнейшего жанрового элемента. В то же время создатель этой редакции пояснил некоторые детали.

В древнем тексте было сказано, что при приближении войска «грѣци замкоша Суд, а град затвориша» [Полное собрание русских летописей, 1997, стб. 30], в МЛ это сообщение развертывается и поясняется: «Греки же замкоша путь корабленный чепми железными, препяше цепь чрез моря, и град затвориша» [Мазуринский летописец, 1968, с. 37]. В редакции МЛ упрощен синтаксис и в значительной мере лексика. Текст представляет собой воинскую повесть информативного типа.

Аналогичная работа была проведена и с повестью о походе княгини Ольги на Искоростень, также восходящей к своду 1652 года. В ней тоже исключен рассказ о битве с древлянами, вместо диалога Ольги с врагами приводится только реплика княгини, а в сообщении о результатах похода опущены сведения о восстановлении Ольгой дани на древлянской земле, и летописец сразу переходит к следующим событиям: «И оттоле поиде к Великому Новгороду и Пскову, и тамо погосты устави и дани возложи и паки иде х Киеву» [Мазуринский летописец, 1968, с. 39]. Использована структурная воинская формула: «войско Ольгино овых плени, а иных побѣ». Эта повесть также продолжает традицию информативного типа.

Подобные изменения встречаются и во множестве повестей последующего времени. Например, они заметны в краткой повести о походе Игоря на половцев 6694 года, которая ориентирована на повесть информативного типа, сохранившуюся в Лаврентьевской летописи [Полное собрание русских летописей, 1997, стб. 397–400], но сильно сокращает ее. Сняты перечисление участников похода, хвастливая реплика Ольговичей перед его началом, все немногочисленные детали обеих битв, рассуждение летописца о причинах поражения и спасения Игоря, вторая реплика князей после первого боя сокращена и искажена, а заканчивается повествование упоминанием о том, что «И тамо побѣша их без вести, а вѣсть принес на Русь гость» [Мазуринский летописец, 1968, с. 66]. Дальнейшие события, связанные с этим походом, в том числе судьба Игоря, не интересуют летописца XVII века.

Зато оценка горделивой реплики князей после удачной битвы дополнена парафразом библейского текста: «неведый судеб божиих, яко смиренным помогает, а гордым противится» [Мазуринский летописец, 1968, с. 66] (Иак 4:6, 1Петра 5:5), в то время как в древнем тексте соответствующий фрагмент не содержит библейской отсылки: «А не вѣдуще Божья строенья» [Полное собрание русских летописей, 1997, с. 398]. Таким образом, персонажи информативных повестей в МЛ лишаются даже тех индивидуализирующих черт, которые были у них в ранних редакциях.

Единственное произведение, относительно подробно рассказывающее о ходе военных действий, — «Повесть о разорении Рязани Батыем», которая в основной редакции представляла собой внелетописную разновидность жанра. Эта повесть в XVI–XVII веках существовала в сборниках в различных редакциях, изученных И. А. Лобаковой [Лобакова, 1992, с. 379–389 ; 1993, с. 297–303]. Сназин использовал сокращенную редакцию, помещенную в ЛС1652. Уменьшение объема текста по сравнению с основной редакцией в значительной мере было вызвано пропуском прямой речи и лирических фрагментов, хотя в целом повесть сохранила четырехчастную структуру. Сняты речь Юрия Ингоревиича перед боем и его молитва, речь Батые над телом Евпатия, плач Ингваря Ингваревича, похвала рязанским князьям. Есть отдельные перестановки: например, если в основной редакции о посольстве к Георгию Всеволодовичу Владимирскому с просьбой о помощи говорится в момент прихода посольства Батые, то в МЛ — после рассказа о гибели посольства. Евпатий получает отчество Львович (возможно, значимое, поскольку символическое значение образа льва подразумевало в том числе «обозначение сильных и непобедимых воинов» и «обозначение бесстрашия, стойкости» [Белова, 2001, с. 162]).

При этом стилистические приемы воинской повести в тексте в значительной мере, хотя и не полностью, сохраняются. Это заметно в использовании воинских формул: «И бысть обоим сеча велика зело и ужасна», «токмо князи едины пресиледающе с коня на конь и биющеся крепко», «И течаша кровь христианская, яко река», «Еупатиевы же мечи притупишася и отымаемая мечи татарския и сечаше их», «разсече Хаставрула наполю до седла» [Мазуринский летописец, 1968, с. 69]. В то же время из текста почти полностью уходит образ смертной чаши, а вместе с ним — тема битвы-пира, убедительно рассмотренная в недавней работе М. В. Первушина [Первушин, 2021, с. 77–85]. От цепочки образов остается только реплика воинов Евпатия, обращенная к Батыю: «...присланы есми тебя царя почтить и честно проводить, и честь воздать, да не подиви, царю, что не успеем на твою великую *рать* медвяных чаш *наливать* и великую силу татарскую *провождать*» (курсив наш. — *Н. Т.*) [Мазуринский летописец, 1968, с. 69]. В этом фрагменте можно наблюдать явление, отмеченное А. С. Деминым: в отдельных случаях летописец усиливает эмоциональность «двустрочиями» и «многострочиями» [Демин, 2019, с. 138–140]. В ЛС1652 тот же фрагмент звучал иначе:

«...присланы есми тебя царя почтить и честно проводить, и честь тебѣ воздать, да не подиви, царю, что не успѣемъ медвенныхъ чашъ наливать на великую твою рать и великую силу татарскую» [Летописный свод 1652 г., л. 46]. Благодаря перестановке и появлению второй тройной рифмы вместо двойной возрастает выразительность речи.

Это редкий случай, в целом летописец выбирает и воспроизводит редакцию, максимально сокращающую описательные и лирические элементы, снимающую лейтмотив повести. В результате обедняются образы персонажей и снижается эмоциональный накал повествования, свойственный древнему тексту на всем его протяжении.

Особую группу составляют воинские повести, развязка которых обусловлена видением или представляет собой чудо. В редакции, зафиксированной ЛС1652, Сназиным записана повесть о приходе Темир Аксака на Русь. В ней, как и в большинстве повестей, практически отсутствует рассказ о военных действиях, то есть основная часть традиционной воинской повести. Взятие Ельца передано одной фразой: «И прииде на Рускую землю, яко же Батый, и взя град Елец и князя плени, и люди помучи, и похваляся и на прочих мучительством» [Мазуринский летописец, 1968, с. 95]. Основное повествование представляет собой чудо от Владимирской иконы Богоматери: в момент ее торжественной встречи московскими жителями Темиру являются в видении русские святители, идущие с золотыми жезлами к немус горы, и Богоматерь с небесным воинством. Они угрожают завоевателю: святители «претяху ему зело», а Богородица «люте претяше» [Там же, с. 96]. Появление русских святителей связано с тем, что цель Темир Аксака, по словам летописца, — «разорити веру христианскую и Москву взяти, и люди мучити, и места святыя разорити, яко же нечестивии цари: Максимиан и Диоклитиян, и Декий, и Улиан Преступник, тако и сей похули веру христианскую и русских чудотворцов Петра великого святителя и чудотворца и прочих святителей российских» [Мазуринский летописец, 1968, с. 95]. Образ Богородицы с небесным воинством не случайно устрашает воителя: ее сопровождает «свет необычен и неизреченно сияющ», она «славою неизреченною и благолепием украшена и светом сияюще паче солнечных луч; окрест же ея безчисленное множество страшных воин великих пресветлых» [Там же, с. 96]. Основное внимание летописец уделяет именно видению, поскольку осознание его значения заставляет военачальника бежать с поля боя. В рассказе о бегстве использована формула Божьей помощи Русской земле: враг бежит «никим же гоним», «божиею силою гоним невидимо» [Там же].

В повести структура становится менее определенной, а центральная часть оказывается лишенной главного компонента — рассказа о военных действиях.

Ближе к традиционной структуре композиция повести о взятии русскими войсками Ругодива под 7066 годом, которая с небольшими изменениями перенесена из СК [Степенная книга ... , 2008, с. 384–385] (в ЛС1652 рассказ об этом событии отсутствует). Обрамление воинского повествования составляют чудеса от икон. Вначале это образ Николая Чудотворца, расколов который, немчин в Ругодиве, «ругаяся», решил сжечь, чтобы сварить пиво. В городе случился страшный пожар, который не удалось погасить, и в это время русское войско из Ивангорода перешло в наступление на Ругодив. В изображении военных действий внимание обращено на ряд деталей: глубину и быстроту реки Нарвы (Неровы), которую нужно было перейти, способы переправы: «Богом подвизаемии, овии на конех вооружены, инии же на дщицах, прочии же на простых древесех немокренно и невредно преидоша реку, яко аггелом носими», но сам бой вновь изображается одной фразой: «Лукавии же немцы выидоша и брань велию сотвориша и побеждени бывше, оставшии же в Вышеград уклонишася» [Мазуринский летописец, 1968, с. 135]. Формула помощи небесных сил удвоена, формула начала битвы представлена в варианте «брань велия». Результат битвы охарактеризован завоеванными трофеями: только пушек было взято 230. После битвы произошло еще одно чудо: иконы Богоматери с младенцем и четырехчастная с изображением святителей Николая, Власия, Козмы и Дамиана не сгорели, и, когда их взяли из огня, пожар прекратился. Такая композиция повествования о военных событиях — редкое явление: как правило, чудо составляет сюжетный элемент или краткое сообщение внутри воинской повести, в данном случае чудеса становятся завязкой и развязкой сюжета.

Заключение

Таким образом, особенностями воинского повествования в МЛ можно считать следующие:

1. Среди форм преобладают погодные записи, содержание которых может варьироваться от фиксации самого события в одном предложении до перечисления ряда событий с именами, числами, географическими названиями.

2. Из разновидностей воинских повестей превалирует информативная, причем в текстах по большей части исключаются описания военных действий.

3. Развернутые повести событийного типа появляются только в том случае, если помещается текст внелетописного характера или повесть с чудесным сюжетом.

4. Воинские формулы используются минимально, их круг очень невелик.

5. Редки размышления повествователя о ходе событий, а вместе с ними предельно сокращены случаи ретроспективной исторической аналогии и библейские цитаты.

Все эти особенности свидетельствуют о том, что летописец фиксировал сами факты военных событий как элементы русской истории, не стремясь подробно рассказывать о них и извлекать дидактический смысл из произошедшего. Относительно подробны только воинские повести, свидетельствовавшие о Божией помощи русским людям. Эти сюжеты соответствовали одной из основных идей свода Исидора Сназина о Высшем покровительстве Руси как хранительнице христианской религии.

Список источников

1. Белова О. В. Славянский бестиарий. Словарь названий и символики. — М. : Индрик, 2001. — 318 с.
2. Богданов А. П. Исидор Сназин // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII век. — СПб. : Дмитрий Буланин, 1993. — Ч. 2 (И–О). — С. 122–124.
3. Богданов А. П. Летописец и историк конца XVII века: очерки исторической мысли «переходного времени». — Изд. 2-е, испр. и доп. — М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2019. — 219 с. — DOI:10.23681/495856.
4. Демин А. С. Историческая семантика средств и форм древнерусской литературы (источниковедческие очерки). — М. : Издат. дом ЯСК, 2019. — 496 с.
5. Кусков В. В. О некоторых особенностях стиля Степенной книги // Эстетика идеальной жизни : избр. тр. — М. : МГУ им. М. В. Ломоносова, 2000. — 320 с.
6. Летописный свод 1652 г. // Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). — Ф. 37. — № 423.
7. Лобакова И. А. «Повесть о разорении Рязани Батыем» в новых редакциях XVII в. // Труды отдела древнерусской литературы. — СПб., 1992. — Т. 45. — С. 379–389.
8. Лобакова И. А. Воинское повествование и агиографическая традиция в литературе XVII в. (на материале распространенной редакции «Повести о разорении Рязани Батыем») // Труды отдела древнерусской литературы. — СПб., 1993. — Т. 48. — С. 297–303.
9. Лобакова И. А. Воинское повествование: актуальные проблемы становления и эволюции жанровой формы // Авраамиевская седмица : материалы Междунар. науч. конф. «Чтения по истории и культуре Древней Руси в Смоленске». — Смоленск : Свиток, 2020. — Вып. IV. — С. 184–194.
10. Мазуринский летописец // Полное собрание русских летописей. Летописцы последней четверти XVII в. — М. : Наука, 1968. — Т. 31. — С. 11–179.
11. Мелихов М. В. «Мечом и глаголом»: героическая традиция в русской литературе XII–XVII вв. — М. : Центр гуманитарных инициатив, 2018. — 320 с.
12. Орлов А. С. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.). — М. : Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1902. — 50 с.
13. Орлов А. С. О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики XVI–XVII вв. — СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1909. — 36 с.
14. Орлов А. С. Героические темы древней русской литературы. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1945. — 142 с.
15. Первушин М. В. Идейно-художественный замысел «Повести о разорении Рязани Батыем» // Вестник Костромского государственного университета. — 2021. — Т. 27, № 3. — С. 77–85.
16. Полное собрание русских летописей. — М. : Яз. рус. культуры, 1997. — Т. 1. Лаврентьевская летопись. — 1997. — 496 с. ; Т. 9–13. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. — 2000.
17. Прокофьев Н. И. О мировоззрении русского средневековья и системе жанров русской литературы XI–XVI вв. // Литература Древней Руси. — М., 1975. — Вып. 1. — С. 5–39.
18. Сочнева Н. А. Жанровая природа повестей о княжеских преступлениях в составе древнерусского летописания домонгольского периода : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. — Тюмень, 2014. — 23 с.
19. Сперанский М. Н. Заметки о рукописях белградских и софийской библиотек. — М. : Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1898. — 87 с.
20. Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам : в 3 т. — М. : Яз. слав. культур, 2007–2012. — Т. 1. — 2007. — 598 с. ; Т. 2. — 2008. — 568 с. ; Т. 3. — 2012. — 472 с.
21. Трофимова Н. В. Поэтика древнерусского воинского повествования. — М. : МПГУ, 2017. — 276 с.

References

1. Belova O. V. *Slavjanskij bestiarij. Slovar' nazvanij i simboliki* [Slavic Bestiary. A Dictionary of Names and Symbols]. Moscow, Indrik Publ., 2001, 318 p. (In Russian).
2. Bogdanov A. P. Isidor Snazin. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi. XVII vek* [Dictionary of Scribes and Books of Ancient Russia. The 17th Century]. St. Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 1993, part 2 (I–O), pp. 122–124. (In Russian).
3. Bogdanov A. P. *Letopisec i istorik konca XVII veka: ocherki istoricheskoy mysli "perekhodnogo vremeni"* [Chronicles and Historians of the Late 17th Century: Historical Essays of the Transition Period]. Moscow, Berlin Publ., Direkt-Media Publ., 2019, 219 p. DOI:10.23681/495856. (In Russian).
4. Demin A. S. *Istoricheskaja semantika sredstv i form drevnerusskoj literatury (istochnikovedcheskie ocherki)* [Historical Semantics of the Means and Forms of Ancient Literature (Essays on Source Studies)]. Moscow, JaSK Publ., 2019, 496 p. (In Russian).
5. Kuskov V. V. On Some Peculiarities of the Book of Royal Degrees. *Jestetika ideal'noj zhizni* [Aesthetics of Ideal Life]. Moscow, Moscow State University named for M. V. Lomonosov Publ., 2000, 320 p. (In Russian).
6. Chronicles of 1652. *Nauchno-issledovatel'skij otdel rukopisej Rossijskoj gosudarstvennoj biblioteki* [Manuscript Department of the Russian State Library]. F. 37, no. 423. (In Russian).
7. Lobakova I. A. The Tale of the Destruction of Ryazan in New Editions of the 17th Century. *Trudy otdela drevnerusskoj literatury* [Works of the Department of Old Russian Literature]. St. Petersburg, 1992, vol. 45, pp. 379–389. (In Russian).
8. Lobakova I. A. Military Tales and Hagiographic Traditions in the 17th Century Literature (at the Example of The Tale of the Destruction of Ryazan). *Trudy otdela drevnerusskoj literatury* [Works of the Department of Old Russian Literature]. St. Petersburg, 1993, vol. 48, pp. 297–303. (In Russian).
9. Lobakova I. A. Military Tales: Relevant Issue and the Evolution of the Genre. *Avraamievskaja sedmica : materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii "Chtenija po istorii i kul'ture Drevnej Rusi v Smolenske"* [The Week of Abraham of Smolensk: Proceedings of an International Research Conference "Readings on Old Russian History and Culture in Smolensk]. Smolensk, Scroll Publ., 2020, iss. IV, pp. 184–194. (In Russian).
10. Mazurino Chronicle. *Polnoe sobranie russkikh letopisej. Letopiscy poslednej chetverti XVII veka* [Complete Collection of Russian Chronicles. Chronicles of the Last Quarter of the 17th Century]. Moscow, Science Publ., 1968, vol. 31, pp. 11–179. (In Russian).
11. Melihov M. V. *"Mechom i glagolom": geroicheskaja tradicija v russkoj literature XII–XVII vekov* ["The Sword and the Word": Heroic Traditions in Russian Literature of the 12th–17th Centuries]. Moscow, Centre of Humanitarian Initiatives Publ., 2018, 320 p. (In Russian).
12. Orlov A. S. *Ob osobennostjakh formy russkikh voinskih povestej (konchaja XVII vekom)* [On the Peculiarities of the Forms of Military Tales up to the 17th Century]. Moscow, Imperial Society of History and Antiquities of Moscow University Publ., 1902, 50 p. (In Russian).
13. Orlov A. S. *O nekotorykh osobennostjakh stilja velikoruskoj istoricheskoy belletristiki XVI–XVII vekov* [On Some Peculiarities of the Style of Novels of the 16th–17th Centuries]. St. Petersburg, Imperial Academy of Science Publ., 1909, 36 p. (In Russian).
14. Orlov A. S. *Geroicheskie temy drevnej russkoj literatury* [Heroic Themes of Russian Literature]. Moscow, Leningrad, Soviet Academy of Sciences Publ., 1945, 142 p. (In Russian).
15. Pervushin M. V. Ideas and Motifs of the Tale of the Destruction of Ryazan. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kostroma University]. 2021, vol. 27, no. 3, pp. 77–85. (In Russian).
16. *Polnoe sobranie russkikh letopisej* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Moscow, Russian Language Publ., 1997, vol. 1. Lavra Chronicles, 1997, 496 p. ; vol. 9–13. Nikon Chronicles aka Patriarch Chronicles, 2000. (In Russian).
17. Prokof'ev N. I. On the Worldview of Medieval Russia in the System of Russian Literary Genres in the 11th–16th Centuries. *Literatura Drevnej Rusi* [Ancient Russian Literature]. Moscow, 1975, iss. 1, pp. 5–39. (In Russian).
18. Sochneva N. A. *Zhanrovaja priroda povestej o knjazheskikh prestuplenijah v sostave drevnerusskogo letopisanija domongol'skogo perioda* [Novels about Princes' Crimes in Old Russian Chronicles of the Pre-Mongol Period]. Tyumen, 2014, 23 p. (In Russian).
19. Speranskij M. N. *Zametki o rukopisjah belgradskih i sofijskoj bibliotek* [Notes on the Libraries of Belgrade and Sophia]. Moscow, A. I. Mamontova Publ., 1898, 87 p. (In Russian).
20. *Stepennaja kniga carskogo rodoslovija po drevnejshim spiskam* [The Book of Royal Degrees]. Moscow, Slavic Languages Publ., 2007–2012, vol. 1, 2007, 598 p. ; vol. 2, 2008, 568 p. ; vol. 3, 2012, 472 p. (In Russian).
21. Trofimova N. V. *Pojetika drevnerusskogo voinskogo povestvovanija* [The Poetics of Old Russian Military Tales]. Moscow, Moscow State Pedagogical University Publ., 2017, 276 p. (In Russian).

Информация об авторе

Трофимова Нина Владимировна — доктор филологических наук, профессор кафедры русской классической литературы института филологии Московского педагогического государственного университета.

Сфера научных интересов: русская литература XI–XVIII веков, текстология.

Information about the author

Trofimova Nina Vladimirovna — Doctor of Philology, Professor in the Department of Russian Classical Literature of the Institute of Philology of Moscow State Pedagogical University.

Research interests: Russian literature of the 11th–18th centuries, textology.

Статья поступила в редакцию 05.07.2022; принята к публикации 30.09.2022.

The article was submitted 05.07.2022; accepted for publication 30.09.2022.